

Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке

А.Д. Нахимовский

Александр Давидович Нахимовский, PhD, доцент кафедры информатики, директор Программы по лингвистике (в отставке), Университет Колгейт. 13 Oak Drive, Hamilton, NY, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются жизненные истории русских крестьян, которые в сознательном возрасте пережили коллективизацию. Большой архив таких историй, записанных после 1990 года, представляет собой богатый материал для устной истории и других областей знания. К сожалению, в своей совокупности этот архив пока никак не описан. Такие ученые, как этнограф Сергей Алымов, социолог Валерий Виноградский, языковед Леонид Касаткин, историк Татьяна Щеглова, проделали замечательную работу, собрав полевые материалы и описав их в рамках своих дисциплин. Однако их материалы и описания остаются полностью изолированы друг от друга. В настоящей статье используются опубликованные записи этих ученых с целью показать внутреннее единство проделанной ими работы и предположить, что единый архив всей такой работы был бы полезен для будущих исследователей.

После краткого вступления статья представляет собой хронологическое повествование об истории крестьянства с 1918 до 1953 года, собранное из эпизодов, отражающих ключевые события в жизни рассказчиков, неизбежно совпадающих с ключевыми моментами истории. В комментариях указываются психологические черты рассказчиков, их отношение к власти, работе и переменам судьбы, их связь с предреволюционными традициями и их отношение к новой современности.

Ключевые слова: Гражданская война, НЭП, коллективизация, голод 1932–33 и 1946–1947 годов, миграция в город, передвижения пешком, судопроизводство, детоубийство, война, ветераны-инвалиды

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-91-125

Начиная с 1990 года в России формируется исторически уникальный архив текстов, содержащий автобиографические рассказы русских крестьян, которые родились в первые десятилетия XX века и крестьянами прожили всю жизнь. Этот архив, до сих пор по-настоящему не описанный, представляет собой «устную историю снизу» ключевых десятилетий формирования советского общества. В то же время рассказчики архива — последнее поколение русских крестьян, сохранившее образцы мышления и поведения, знакомые нам из классической русской литературы.

Отрывки из крестьянских повествований, организованные в историческую последовательность, составляют предмет настоящей статьи. Целью является показать, как крестьянские рассказы обо-

гашают и предлагают новый взгляд на российскую историю. После краткого вступления, статью движут примеры и комментарии к ним.

Понятия «устная история» и «история снизу» хорошо известны в российской историографии (см., например: стандартный учебник *Теория и методология истории*, 2014). Однако их совместное применение именно к истории крестьянства не оформилось в отдельную дисциплину. Причиной тому были неожиданность перемен и краткость отпущенного времени. Хотя в советский период после 1953 года жизнь крестьян радикально улучшилась, их предыдущая история оставалась запретной темой, полностью закрытой для научного исследования. Когда внезапно тема стала открытой, начался массовый и никак не скоординированный процесс собирания материала. Первооткрывающую роль здесь сыграли экспедиции, организованные Теодором Шаниным в 1990–1992 годах¹. В этот процесс вскоре включились языковеды-диалектологи, историки, этнографы и просто любители, привлеченные важностью задачи. Собранные материалы сильно различаются по качеству и рассыпаны по множеству публикаций и архивов. Через короткие 20 лет последние доколхозные крестьяне сошли со сцены, да и интерес к их рассказам сдвинулся дальше от центра общественного внимания. Тем важнее кажется собрать и осмыслить все лучшее, что осталось, и понять, какие уроки оно содержит.

В настоящей статье используются материалы четырех исследователей:

- этнограф Сергей Алымов, историк советской этнографии;
- языковед Леонид Касаткин, недавно почивший, многие годы директор сектора диалектологии в московском Институте русского языка Российской академии наук;
- историк Татьяна Щеглова из Барнаула, написавшая и книгу по истории алтайских крестьян, используя собранные ею записи (2008), и первое в России учебное пособие по устной истории (2011);
- философ и социолог Валерий Виноградский из Саратова, участник первых Шанинских экспедиций, неутомимый собиратель крестьянских рассказов и автор нескольких монографий, в последней из которых (Виноградский, 2017) он определяет крестьянские дискурсы как материалы истории снизу. По методике настоящая статья перекликается с монографией Виноградского (2009), и большая доля примеров в ней — из его же «Протоколы колхозной эпохи» (Виноградский, 2012).

Как пример раздробленности усилий следует указать, что ни один из этих ученых ни разу не упоминает трех остальных. При этом их материалы отличаются замечательным единством, за которым стоят и нарративная традиция, и общая для всех рассказчиков историческая судьба, и метод собирателей: неспешность разговора и вза-

---

1. См. воспоминания участников тех экспедиций в журнале «Крестьяноведение». 2020. Т. 5. № 1. С. 172–195.

имность уважения, нередко результат долгого знакомства. Касаткин в этом следовал давно установившейся традиции полевых работ, начало которой было положено еще в предреволюционной русской диалектологии. Долгое время полевые материалы диалектологов состояли в основном из списков диалектных грамматических форм, лексики и фразеологии, однако Касаткин и другие еще в позднее советское время начали записывать развернутые повествования. Их держали под спудом, потому что в них неизбежно появлялись крамольные подробности — некоторые из этих доперестроечных записей были опубликованы у Касаткина в сборнике 2010 года (Касаткин, 2010). Поворот к записи повествований был кодифицирован в трудах саратовского ученого Валентина Гольдина², и с тех пор диалектологи стали, сами того не сознавая, собирателями материалов по устной истории.

Схожая эволюция произошла и среди этнографов, причем им значительно помогла «колхозная этнография» 1950-х годов, полностью бесплодная в своих научных результатах из-за цензурных условий работы, но установившая принцип глубокого, многомесячного живания в сельскую общину (Альмов, 2006). В отличие от диалектологов и этнографов, Щеглова и Виноградский сами выработали схожую, в принципе понятную, но вовсе не легкодостижимую методологию полевой работы. Оба подробно описали свой научный подход. Собранные ими материалы — свидетельство их таланта, мастерства и умения «разговорить» собеседников.

На Западе и общая устная история, и «устная история снизу» появились раньше. Журнал «Обзор устной истории» (*Oral History Review*) был основан уже в 1973 году. В 1993 году там была опубликована обзорная статья об устной истории снизу (Lynd, 1993), суммирующая 25 лет работы. Автор статьи, один из основоположников движения, отмечает, что не любая устная история является историей снизу, но история снизу неизбежно устная: «Чтобы понять людей, которые не умеют писать, но умеют разговаривать, очевидно, надо с ними поговорить» (*Ibid.*: 1). Статья перечисляет пять основополагающих принципов, из которых четыре полностью приложимы к практике, сложившейся в России:

1. Спрашиватель и отвечающий, историк и протагонист истории, встречаются на равных (*Ibid.*: 2).
2. Расшифровка интервью для того, чтобы представить его научной аудитории, является не единственной целью интервью, и, возможно, не самой важной (*Ibid.*: 3).
3. Те, кто создает устную историю, сами же могут помочь с проверкой и исправлением сообщенной информации (*Ibid.*: 3).
4. Когда история отражает реальность жизни бедняков и рабочих, ее подлинным субъектом обычно будет жизнь всей социальной группы, а не индивидуума (*Ibid.*: 4).

2. Подробное изложение — в докторской диссертации 1997 года; главные принципы в: Гольдин, 2009.

5. Это их история, а не наша: это они создают устную историю (Ibid.: 6).

Российские материалы ясно показывают, с каким глубоким уважением собиратели относятся к своим собеседникам и как часто обращаются к ним за разъяснениями (п. 1, 3). При той глубине исторических потрясений, посетивших русское крестьянство, неудивительно, что их истории действительно представляют собой вариации на одну общую историю, которую, конечно, только они могли воссоздать (п. 4, 5). Только пункт 2, если и применим, то, уж конечно, не в том смысле, какой вкладывает в него автор статьи и его соратники. Люди левых взглядов, чьи собеседники — часто жители постколониальных стран или бастующие шахтеры, естественно, переложили известный тезис Маркса на нужды своей профессии: задача устной истории снизу — не только объяснить мир, но и помочь его преобразовать (Маркс, 1955: 1-4). В России, напротив, «конечным продуктом работы даже устного историка, использующего материалы интервью, является научный письменный текст — статья, монография, реферат и т.п.» (Щеглова, 2011: 139).

Даже и эта установка остается для многих спорной: можно ли доверять устным свидетельствам, которые, в отличие от письменных документов, часто невозможно независимо проверить и подтвердить? На этот вопрос ответил американский историк польского происхождения Ян Гросс в своей книге о Холокосте в Польше, основанной на записях устных судебных показаний. Гросс выдвинул принцип, который можно было бы назвать «презумпцией доверия» к устной истории Холокоста:

«Я предлагаю изменить подход к источникам этого периода. При изучении показаний выживших очевидцев, при оценке того, насколько доказательны их утверждения, изначальную предпосылку критического сомнения следует заменить изначальным приятием. Принимая услышанное как факт, пока мы не найдем убедительных контраргументов, мы избежим больше ошибок, чем если мы примем противоположный подход, встречая любое показание с осторожным скептицизмом, пока не найдем для них независимые подтверждения. Чем больше масштаб катастрофы, тем меньше выживших. Мы должны найти в себе умение слышать одинокие голоса из бездны» (Gross, 2001: 139-140).

Щеглова и Виноградский, в сущности, полагают, с хорошинами на то основаниями, что такая презумпция доверия применима и к показаниям доколхозных крестьян, доживших до 1990 года.

Записки Плотникова

Автобиографические записки Василия Александровича Плотникова (1905–1994) — уникальный документ (Осипов, 1995)³. Они были

3. И сами записки, и комментарии Осипова практически неизвестны и заслуживают переиздания.

написаны по просьбе сына, историка-краеведа, в 1984 году. По форме это летопись: года идут чередой, и почти к каждому году есть историческая запись. Публикация записок также содержит исключительно ценные комментарии, созданные видным ученым, профессором Омского университета Борисом Ивановичем Осиповым, который и сам вырос в крестьянской семье в тех же местах, что и Плотников (Юргамышский район Курганской области).

Хотя записки Плотникова и не «устная история», они используются в настоящей статье для подтверждения некоторых исторических фактов. Как и в публикации Осипова, сохранена весьма своеобразная орфография оригинала — Плотников обучился грамоте, по его слову, *самоуком*.

Пример 1. Записки Плотникова (с. 4 рукописи, Осипов, 1995: 48)
вишколу меня неотпустиль пришлось мне обучатися самоуком появилось страшное желание читать вот я и взялся засамо обучение научилсчя чтать и писать некаких правил не знаю а про-сто читать да писать.

Этапы крестьянской истории: 1918–1939

События крестьянской истории часто отличаются от книжно-городских и называются по-другому. Вот краткий перечень, собранный из крестьянских повествований.

1914–1918. Германская война.

1918–1921. Сам момент большевистского переворота остался в деревне незамеченным. Слово «революция» если употреблялось, относилось ко всему периоду Гражданской войны: во время «революции» были белые, красные и продразверстка. Чаще встречаются описательные слова, такие как «заваруха».

1921–1922. Голод.

1923–1927. НЭП по-настоящему начался в 1923 году, с появлением устойчивых денег и доступных рынков. Это время прекрасно суммирует крестьянин в разговоре с Я. Яковлевым, видным партийным деятелем, основателем «Крестьянской Газеты» (Яковлев, 1923).

Пример 2. Жить бы хорошо при Советах (Яковлев, 1923: 68)
Жить бы хорошо при Советской власти, кабы не драли двух шкур, а то земельку без аренды дали, а за это товарищи прода-налог берут и за пуд соли з пуда ржи.

Здесь в одном предложении и лживость лозунга «Земля крестьянам», и непомерные налоги, и ножницы цен, и роль соли как орудия пролетариата в борьбе с крестьянством⁴.

4. Ленин, хорошо понимая цену соли и советских денег, распоряжался: «Первое: я советую продавать соль исключительно за хлеб и ни в каком случае не за денежные знаки. Второе: продавать соль только волостям,

1928–1933. Раскулачивание, коллективизация, голод. К 1933 году колхоз принял законченные формы. Итальянский историк Андреа Грациози хорошо обозначил первые пятнадцать лет советской власти (1918–1933), как «Великая Советско-Крестьянская Война» (Graziosi, 1996). К 1933 году война была закончена, большевики победили. Следующий партийный съезд (1934) был назван Съезд победителей, в честь успехов первой пятилетки и победы над крестьянством. Среди крестьянских повествований только самые краткие и эпизодичные обходят молчанием 1933 год.

1937. Разница между городской и крестьянской историей резче всего проступает в сравнении между 1933 годом и 1937-м. Для крестьян 1937-й был первым годом хорошего колхозного урожая. Плотников пишет:

Пример 3. Урожайный 1937-й (Плотников, 73-57)

1937 г. год переломный в части экономики. весеннюю кампанию провели на высоком уровне урожая уродился небывалый осени стояла ведренная урожай убрата дало колхозы рассчитались сгодударством. установка оплаты колхозников осталась старая как в прошле низко урожайные годы колхозники получили по 12 к. на трудодень хлеба оказалось у колхозников много некоторые не знали куда девать цена на хлеб пала рож 3 р. пуд. пшеница 5 р. пуд мука 8 р. пуд хлебом завались вот мы тогда изажили на брали пшеницы на мололи муки.

1939. События мировой истории не попали в крестьянские жизнеописания, но резкое повышение налогов не осталось незамеченным.

Упомянутые годы послужат начальным оглавлением нашей устной истории. Дальнейшие годы и события появятся по ходу повествования, сложенного из крестьянских рассказов. Оно организовано хронологически; каждый раздел состоит из примеров и аннотаций. Схожая организация в масштабе целой книги была предпринята Виноградским (Виноградский, 2009). Позднее, с некоторым неодобрением, он описал эту методику так: «Прицельно выуживать из живого речевого раствора нужные тебе композиции и сочетания, конвертируя исходный текст в иной композиционно-синтаксический формат» (Виноградский, 2017: 26). Сам исследователь в своей последней книге поставил себе гораздо более масштабную цель: выявить глубинный, исторически-предопределенный инвариант *крестьянского дискурса*, понимаемого, по Фуко, как «совокупности анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвисти-

---

селениям или отдельным хозяевам, которые внесли не меньше 1/4 или 1/2 налога». Разговор по прямому проводу с М.К. Владимировым 6 августа 1921 г.— самое начало НЭПа.

ческого пространства условия выполнения функции высказывания» (цит. по: Виноградский, 2017: 56)⁵.

Приступая к повествованию, поясню, что каждый пример представлен следующей информацией: имя рассказчицы (гораздо реже рассказчика), две даты: год рождения и дата записи; ссылка на публикацию. Когда уместно, добавляются ключевые слова примера. В случае повторных цитат той же рассказчицы из той же публикации ссылки, соответственно, упрощены.

Германская война. Калеки и дети

Первая рассказчица — Ольга Литвинова (ОЛ), родилась в 1902 году и еще помнила Германскую войну. Она жила на хуторе Атамановка, 16 км к северу от Саратова, но рассказ пойдет о другом хуторе, Кияны, которого уже нет на карте.

Пример 4. Литвинова, 1902, 1990. Атамановка, Саратовская область (Виноградский, 2012: 147)

Германская война; калека-раненый; дети нас Екатерина Вторая высылала с Запорожья, а этих киянов высылала с Киева. Кияны — это был особый, киевский хутор. <...> В киянах я жила еще девчонкой, в няньках. Мне двенадцать лет, наверное, было. Еще мой отец живой был. Это было как раз в первую германскую войну. <...> как получилось: один хозяин, из киянов, ушел на германскую войну. Проводила его хозяйка, и маленькие дети остались. А другой хозяин уже пришел с войны, без ноги. И они прижили дитя. Так получилось, что один был на войне, а другой был дома. У одной, значит, служил еще муж, а другой был калека. И у обоих было по трое детей: по маленькому и по двое, которые побольше... Вот меня туда и повезли нянчить...

Послевоенные раненые инвалиды встречаются в рассказах часто. Вот еще один пример, донской казачки.

Пример 5. Александра Минькова, 1915, 1999. Станица Тишанская, Волгоградская область (Касаткин, 2017: 467)

Ну потом вышл(а) я там замуж. А мужик, правд(а), неплохой попалси. Хороший, грамотный. Прямо дай Бог ему в Царство войтить. Ниж(о)гда он не ругал, не, ничаво. Ну, война, тут война началась. У меня девочк(а) одна. Ну куда? Яво... был по брони, потом яво забираютю в армию. <...> Мужик — не слыжать. А(е) а. Потом оказалси. <...> Пишет, что «Меня ранили, руки нет одной, наверно, не будеть». Да. Ну не будеть, ну а што сделаеш: мужик, дитё. Ага. И хороший мужик. <...> Ну пришел, правда,

5. Моя книга тоже посвящена поиску инварианта крестьянской речи, но на менее глубоком лингвистическом уровне: лексика, словообразование, синтаксис речи, типичные нарративные ходы (Nakhimovsky, 2020).

ключицы не было и лопатки не было, как эт(о) вы. Ну она так была висела у няво, ну а чо он. Ага. Ну чо(в)о же, пришол, го(во-ри)т: «Ну чо, эжель ехать туд(а) опять в Волгоград, я не могу». Ну писать он мог, он грамотный. Ага, ну не схотел: «Давай тут останемси». Ну один дитё, другой дитё, третий дитё, четвёртый дитё, пятый дитё, шастой дитё. Да ишо по два. Угу. Ну он го(вори)т: «Ну куда ехать с этой оравой. Тут мы-то с зямлэй, то содим, то косим, то так (в)о(т) (в)от с зямлэй».

Это уже сороковые годы: муж пришел с войны в 1944-м. За исключением названия города ничего не изменилось. Дети по-прежнему неизбежны. Контроль рождаемости не упомянут ни разу; первое упоминание аборта — уже в постсталинские времена у женщины, родившейся в 1934 году. Примечательно, что с шестью детьми кусок земли надежнее, чем городская жизнь.

Минькова упоминает современное имя города, Волгоград. Это, возможно, новая привычка, но возможно, и отношение к прежнему имени. Пример 2 продолжается так:

Пример 6. Продолжение примера 2. Колхоз, Сталин

А зярна-то ведь не давали в колхозе ни грамочки. Шерсть отдай, мясо отдай, яички отдай, картошк(у) отдай. Да. А иде её братъ: одна корова и шес(т)ь души детей. Иногда сяду вот, грешница, Господи, може(т), Сталин эт(о) виноват, а може(т), своя влас(т)ь.

В этом воспоминании сорокалетней давности крамольная политическая мысль понимается как грех, то ли против Господа, то ли против власти.

Гражданская война

Воспоминания о Гражданской войне резко различаются, смотря по тому, кто были воюющие люди: какие-то чужие отряды, которые пришли, совершили насилия и ушли, или местные, которые так и остались соседями. Вот два контрастных примера, первый с неизвестными людьми. Речь идет о семье, о сестрах отца, кто как погиб.

Пример 7. Иван Цаплин, 1914, 1992. Лох, Саратовская область (Виноградский, 2017: 73)

Белые, красные. Раскулачивание

А у меня не одна Мария Павловна раскулаченная. В Яруге жила ещё тётка — и ее раскулачили. Тётка по отцу. Звали ее Анна Павловна. <...> Она моложе была отца. Она была, вроде, с девятисотого года. Ее раскулачили и увезли на Колыму куда-то, в 1930 году. И там она, видать, умерла. Она жила в Яруге — семь километров отсюда. А мужа у неё расстреляли ещё раньше. Как получилось? Во время молотьбы <...> были сложены стога такие, крест-накрест. Одонья. Ну, он залез наверх. А в те поры был самый переворот. И ему надо бы красный флаг

выкинуть, а он взял, и белый флаг поставил на одонья. Его забрали и расстреляли, как контру. Это в революцию было. А жену его вместе с детьми в корчёвку угнали...

Здесь хорошо показан крестьянский исторический словарь: мужа расстреляли красные как контру «в революцию», «в самый переворот», а жену его угнали «в корчевку» — местная метафора для раскулачивания.

Другой пример — с Алтая, где были казаки и крестьяне, включая недавних столыпинских переселенцев. Их предреволюционная взаимная неприязнь наложила на войну красных и белых. Многие десятилетия спустя устную историю рассказывают потомки красных (у белых местного потомства не осталось), и красные до сих пор «наши».

Пример 8. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 63)

Гражданская война. Белые, красные. Зверства

Попадья у нас в Карболихе была. Выдавала красных белым. Красные пришли, босиком водили ее по Змеиногорску. Потом груди обрубали. Померла. За делом ей. Она наших белым выдавала.

Пример 9. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 64)

В переворот у нас тут много банд было <...> Пороли только белые, красные нет. Белые зверствовали. А красные-то наши. Пороли красных. Снимут штаны и порют до тех пор, что нельзя брюки надеть. Мужики в юбках ходили. А как пороли! Так что обмажется, так встань, прибери и снова ложись.

Пример 10. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 64)

Наши были в горах... А те прискакали... дядю двоюродного белые казаки закопали живьем... А у него оставалась одна баба дома, беременная на восьмом месяце. Они дверь взодную сняли да сверху ей на живот положили... Встали на нее ... Пока не выдавили...

Можно ли доверять этому свидетельству, услышанному, наверное, от взрослых, когда рассказчице было лет 10–12? Вот не прямое подтверждение. У Лидии Сейфулиной действие повести *Перегной* (1923) происходит на Южном Урале, где тоже были казаки и крестьяне. Последняя страница повести вся посвящена подробностям зверской казни «красных» крестьян, включая и беременную женщину («Дарье Софроновой брюхо выпотрошили. Младенца свиньям кинули. Семьи большевистские вырезали»). Проза современницы событий и, спустя 70 лет, свидетельские воспоминания о них взаимно подтверждают друг друга.

НЭП и раскулачивание

Следующая рассказчица, Антонина Симакина (АС), прожила всю жизнь в деревне Лох, 90 км к северу от Саратова. В разговорах с Виноградским она называет его Валера, он ее — баба Тоня. Дол-

гая жизнь Симакиной замечательна поразительным невезением, начиная с того, что она выросла в бедности, была выдана в богатую семью, но быстро превратилась в раскулаченную. При замужестве ей еще не было шестнадцати лет.

Пример 11. Антонина Симакина, 1912, 1992 (Виноградский, 2012: 60-61)

У нас отец-то был пролетарий. Бедно жили, плохо. А почему плохо? Ведь раньше давали землю только на мужиков. А на баб не давали. А нас в семье было четыре надолбы (уничжительно: тумбы, столбы. — А.Н.) — бабов-то. Нас, дочерей, — три было, да мать. А отец один... <...> Отец по работникам ходил. Вот, уродится хлеб, — снопы надо привезти. Так он — нанимался. А мы ходили пешком полоть.

Меня просватали к богатым. <...> у них была лошадь, две пары быков. Они богато жили. Две коровы было, пятнадцать или двадцать голов овец было. Скотины много — а ходили в лаптях! А валенки на печке лежали. В валенках на двор не ходи — береги!

Из рассказа мы видим, как понималось у крестьян городское слово «пролетарий»⁶ и кто считался богатым. В раскулачивание с богатых стали брать «многократный» налог. Налогам и конфискацией имущества занималась местная власть, которую Симакина называет «бригада».

Пример 12. Антонина Симакина, 1912, 1992 (Виноградский, 2012: 61)

Тут какими-то «кратниками» объявили их, богатых-то. Это кулаков «кратниками» называли. Ну, высылают в бригаду — нынче в бригаду, завтра в бригаду. Постановляют: «Вывезти столько-то хлеба...» Ну, вывезет дедушка. <...> Потом, на другой день, опять чем-нибудь наложат. Опять все вези — хлеб или что другое. До тех пор довозился, что амбар весь очистили. А тут в колхоз стали съединять, в колхоз. Ну, вызовут дедушку: он не идет никак в колхоз. Боялись его, колхоза-то. Их посадили — эдаких-то, противников колхоза. Был у нас — сейчас клуб, а тогда — нардом. Насажали их туда, как селедок в бочку. Они там которые и померли... Пришли мы дедушку проведать, а он и говорит, мужу моему: «Ванька, как хочешь — я умру, но в колхоз не пойду». <...> А потом, значит, и Ванька не пошел в колхоз: и дедушка не идет, и я не пойду, мол... Ну, приехали, на-

6. О том, как понимали (а чаще не понимали) крестьяне новый революционный лексикон, см.: Нахимовский, 2017. Цитируемые там книги: Селищев, 1928; Шафир, 1923. Шафир давал крестьянам списки новых газетных слов и просил объяснить. Вот один характерный пример — объяснение слова «ультиматум»: «либо платите деньги, либо отдайте лошадь, либо я вас убью» (Шафир, 1923: 55); или слова «агент»: «Раньше агенты машины продавали швейные, а теперь так зовут выбивателей налога» (Селищев, 1928: 214).

ложили его каким-то «дидуальным» (индивидуальным. — В.В.) налогом и все подмели под метелку. Скотину забрали — всю до-чиста. Всю погнали — и лошадь, и корову, и овец. И все из избы забрали — сундук, зеркало и другое. Остались в голом доме.

Когда пришло время арестов и ссылок, то откуда-то извне появилась «штурма». На вопрос, что такое штурма, Симакина объясняет: «штурма — конные, отряд. Это значит штурмовать нас, кулаков-то. Забирать и увозить!»

Пример 13.

А самих кулаков, вот, нас, — увозить. Вот как только ночь — собирается бригада, решают, кого нынче увозить будут. А у нас был председатель Совета — наш, лоховский (т.е. не назначенный из города. — А.Н.). Он нам и помог. Когда отобрали у нас все, и из дома выгонять зачали, — мы с Ваней прятались. Огонь в избе не зажигали. А осталось нам только то, что на печке лежало: <...> матрац, подушка и ватола (одеяло. — А.Н.). Сидим мы с Ваней на печке. Прячемся. Вдруг — приходит председатели-ва жена, тоже наша, лоховская. Говорит: «Тоська, мне мой ска-зывал, чтоб вы прятались нынче! Нынче штурма приехала — вас забирать наметили...»

Дальше следует эпизод как будто из приключенческого фильма: штурма разыскивает Ваню и Тоню, они прячутся в доме Тониной матери, штурма приходит в дом, Ваня и Тоня забираются по доске на подловку (чердак. — А.Н.), Ваня убегает первым, потом Тоня, улучив момент, сбегает по доске вниз, выбегает из дому, прыгает через плетень и зацепляется юбкой за кол.

Пример 14. Как спаслись от штурмы (Виноградский, 2012: 63)

И вот эдак я и висю... А меня никто не увидел из этой штурмы. Ну, поискали и уехали... Потом Ваня подошел, юбку-то отцепил. Сидим там, на огороде. Там была кучка — назем (навоз. — А.Н.) кидали — так мы за этой кучкой и спрятались. Думаем: туда-то уж не пойдут, к кучке-то. Уехали. Ну, слава богу! Вот мы эдак вот и остались. Неувезенные... Это было в коллективизацию. Потом тут уж бросили кулачить. Потом 1933 год напал.

Это очень характерный нарративный ход: повествование движется от одной катастрофы к другой, тем более что они приходили быстро: от замужества до раскулачивания два года; до голода еще три. В 1933 году Тоне исполнилось 22 года, Ване 23. Год был переломный и для всей страны, и для Симакиной: Ваня умер; она чуть не умерла, но выжила; попыталась уйти в город, но не получилось; потеряла свой дом и участок, но пережила и это; а потом жизнь как-то наладилась, до следующей беды в 1939-м. Для историка важно отметить черты ее характера, которые, в общем, известны, но в ее собственном изложении проявляются с яркой прямоотой: талант сострадания, неуемная работоспособность и умение выживать. Помноженные на миллионы, эти черты становятся фактором истории.

ИСТОРИЯ

Долгий рассказ о смерти Вани поделен на три части. Хотя перед нами свидетельство безграмотной очевидицы событий, рассказ местами читается как высокая литература.

Пример 15. Пиджак. Кум Донька (Виноградский, 2012: 63-64)

Потом 1933 год напал — а у нас уже всё отобрали раньше. Здесь и дедушка помер, и Ваня помер. У нас ничего ведь не осталось. Траву ели, отекли. Я вся была отеченная, как бочка. А Ваня почему-то не отеченный был. И вот у нас остался пиджак его. За печкой висел — такой суконный, подвечечный. Я говорю ему, Ване, — он тогда еще жив был: «Ваня, ступай его продай хоть». Тут недалеко Коптовка была, деревня. Ваня пошел. Дали ему там за пиджак свеклу и молока четверть. Не за хлеб, а за свеклу кормовую продали. Вот как жили!.. Да, вот еще чего забыла: в Коптовку-то Ваня пошел со своим дядей. Вот жду-жду — нет и нет его. Что же это как долго нет-то?! И смерклось все, и ночь наступила. Пошла я к дядиной жене: «Кума, что, пришел, что ль, кум Донька?» — «Да нету, не пришел», — говорит. «Да что же это — как долго ходит?» Ну, нет и нет. Опять посижу, полежу ли. Снова пойду. Уж кочетья кукарекают. «Кума, пришел ли Данила твой?» — спрашиваю. «Пришел...» — отвечает. «Да где же Ваня-то?» — говорю. «Вон там, на Кузнецовском гумне, на канаве сидит».

Крестьянские рассказы обильно включают прямую речь, часто без вводных слов. Симакина приводит даже и свою внутреннюю речь («Что же это как долго нет-то?!»). Гольдин называет это «принцип совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения»: рассказываемое происходит как бы вот сейчас (Гольдин, 2009: 3). Сюда же относятся и указательные слова в ситуации общения, нередко сопровождаемые жестом: «Вон там, на Кузнецовском гумне».

Пример 16.

Я перелезла через овраг, пошла туды. И боюсь: поймут еще да и съедят. Ведь ловили людей и ели тогда, в голодовку-то. Ну вот, я перелезла, пошла проулком. Иду, темно. Заря чуть занялась, но не видать еще ничего. И кричать-то боюсь. Иду-иду — вот эдак вот присяду. Мне сказали — на канаве Ваня, а я смотрю — нигде не видать. Иду дальше, на зады. Опять присяду. Не видать... Потом кричу: «Вань, Вань...» Кто-то вдалеке затренихтался. Подхожу. Он встал. Говорю: «Ты чаво же?» Он отвечает: «Я не могу больше...» Я говорю: «Ну ты чаво — купил, что ль, чаво-нибудь?» А он отвечает: «У меня все отобрал кум Донька». Вот, — свой человек, а все отобрал. Пуд свеклы Ваня нес и четверть молока. И Донька отобрал все. Подлец! Ни дна бы ему, ни крышки! (Долгая пауза, вздыхает, плачет. Потом вдруг говорит в примире-

тельно-прощающем тоне. — В.В.). *Ну, ведь каждый сам себя спасал, что ж тут сделаешь... Ну, повесился тут на меня мой Ваня — идем, два тёфана. Я говорю: «Ведь я бы не дала отобрать-то...» А Ваня уж обессилел: он и так был худущий. А я отечная была, а он, вот, не отекал. Я наемся этих лепешков-то, из крапивы: они хорошие были, когда засохнут. И воды я много пила, потому и отекала.*

Страх, что могут съесть, был обычен. О каннибализме уже знали с 1921–1922 годов, когда о нем даже писали в «Правде»⁷. В каждый коммунистический голод, и в СССР, и в Китае, каннибализм был осознанным присутствием (Graziosi, 2017; Várdy, Várdy, 2007).

Пример 17. Дома. Смерть Вани

Ну, пришли домой, затащила я его на печку. Полежал он маленько и не встает. «Ты что, Ваня?» — говорю. Он: «Я не могу, я не могу...» Ну и я сижу тут. Нигде никакого клочка, никакого кусочка нет у нас. Потом на другую ночь он у меня и умер. Вот сколько пережила... (Плачет.) Никто сесто не пережил, а я все живу. (Плачет, никак не может успокоиться. Долгая пауза.) А у нас за печкой стояла соль — ящик с солью. И коптюлечка стояла на трубе. Я зажгу коптюлечку, погляжу — а у него уже глаза дурные сделались. И вот так глядит в потолок все. Я говорю: «Ваня, Ваня, да ты чего? Ваня?» А он тихо так говорит: «Я умираю...» Потом ка-а-к вскочит и горсть соли схватил, и говорит-кричит: «На, ешь! А то умрешь!» Я говорю: «Ваня, Ваня! Я не буду соли есть, — я и так отекаю...» И вот он лег опять, и я сидела все, сидела округ него. Все он это глядел, глаза остолбенели — одна с ним, одна... И, значит, тише, тише. И только я легла к нему — и сразу уснула. Тут кочетья уж кряковали третий раз. Я сразу вдруг очнулась, цоп за него: «Ваня, Ваня!» А он уж умер...

Это кажется сделанным литературно. В пустом доме двое: огромная, разбухшая женщина, в которой еще держится жизнь, и ее щупленький умирающий муж, который в последнем лихорадочном усилии хочет позаботиться о ней и предлагает ей самое для нее вредное. Она засыпает, он умирает, кричит петух. Третий петух здесь, возможно, из евангельской традиции, но все остальное иначе как природным талантом не объяснишь. Если бы она часто повторяла этот рассказ, то он, возможно, сложил-

7. В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства. Доведенные голодом до отчаяния и безумства, съевши все, что доступно глазу и зубу, люди решаются есть человеческий труп и тайком пожирают собственных умерших детей // Правда, 27 января 1922 года. Цитируется по: журнал «Коммерсантъ Власть» № 3 от 23.01.2012. С. 46.

ся бы в такую законченную форму, но до того, как Виноградский начал ее расспрашивать, Симакина, скорее всего, никому не рассказывала о смерти Вани: вначале было опасно, потом никому не интересно.

Похороны. Милостынька

Чтобы не оставаться ночью одной с мертвым Ваней, Симакина пошла к сестре, в тот дом, где она в раскулачивание пряталась от штурмы. Это был дом матери, но ее тогда в деревне не было, она «милостыньку собирала в Пензенской области» (Виноградский, 2012: 62). На этот раз мать была дома:

Пример 18. (Виноградский, 2012: 64)

Ну, я положила пробой на цепь и пошла к матери. Вернее, к Маньке, — матери-то не было. А Манька — сестра, младшая. И вот я пришла, и как раз мать вернулась из Пензы. Она там милостыньку собирала. <...> Она говорит: «Мы хотели зайти, а огня-то нет у вас. Не знаю, мол, они живы, не знаю — нет...» Я ей говорю: «Мама, у меня Ваня-то ведь помер...» Ну, тут уж заря, светло сделалось. Посидели мы маленько, говорю: «Ну, пойдём». Приходим — пробой с цепи сняли. А из-под него уж и тюфяк-то вытащили, и подушку утащили... Что же, все есть хочут, да. Топор за печкой был — и топор утащили. Хоронить нечем. Нет ни тесу, ничего. Все взяли, когда раскулачивали».

Нашлась колода сделать гроб, Симакина позвала на помощь кума Ивана, тот пришел с отцом, и они сделали гроб. («А к куму Доньке не пошла», — не упустила сказать Симакина: хоть она его и простила, но осталась между ними непреходимая черта.) Похоронили по обряду как смогли.

Пример 19. Похороны. Кусочки (Виноградский, 2012: 64-65)

Обмыли его. И собрать-то не во что. Кое-как собрали его в старенькое, положили в гроб и на тележке повезли на кладбище. Здесь он и похоронен, в Лоху. Это было дело в 1933 году. Ване в те поры было 23 года, а мне 22. И уж я-то осталась одна — ну куды мне деваться? Я теперь умирать ведь буду. Мать говорит мне: «Пойдем, Тонька, с нами, опять в Пензу, собирать милостыньку». — «Ой, да куды ж я пойду, мама, — я не дойду...» А она кусочков принесла. Дала мне.

В контексте подаяния слово «кусочки» означает кусочки еды — то, что больше всего нужно и чаще всего подают. Бытовало выражение «ходить в кусочки», т.е. ходить побираться. Как видим, слово сохранилось до 1930-х годов. Это неудивительно. Мать Симакиной родилась в XIX веке, и была маленькой девочкой, а то и подростком, когда Чехов напечатал рассказ «Мужики». Она могла бы быть прототипом одного из его персонажей, с теми же традициями

и моделями поведения. Читая Чехова, мы можем сопоставить, как «ходили в кусочки» в 1890-х и 1930-х.

В начале рассказа лакей в московской гостинице Николай заболел, потерял работу и вернулся в деревню к брату, с женой Ольгой и дочкой Сашей. Прошло несколько месяцев беспросветной деревенской жизни, описанной жестоко, — Толстой рассказ резко осудил. В конце рассказа Николай умирает, а Ольга и Саша уходят из деревни обратно в Москву. Как часто у Чехова, после долгой беспросветности появляется вдруг что-то вроде надежды.

Пример 20. Чехов. Мужики. Конец

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Жуково осталось далеко позади. Идти было в охотку, Ольга и Саша скоро забыли и про деревню, и про Марью, им было весело, и все развлекало их. То курган, то ряд телеграфных столбов, которые друг за другом идут неизвестно куда, исчезая на горизонте, и проволоки гудят таинственно; то виден вдали хуторок, весь в зелени, потягивает от него влагой и коноплей, и кажется почему-то, что там живут счастливые люди; то лошадиный скелет, одиноко белющий в поле. <...>

В полдень Ольга и Саша пришли в большое село. <...> Оставившись около избы, которая казалась побогаче и новее, перед открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонким, певучим голосом:

— Православные христиане, подайте милостыню, Христа ради, что милость ваша, родителям вашим царство небесное, вечный покой.

— Православные христиане, — запела Саша, — подайте, Христа ради, что милость ваша, царство небесное...

В документах 1930-х годов нет описаний поведения нищих, но есть литературные источники. Л. Лунгина вспоминает: «Ходили по домам люди, видимо, бежавшие от колхозов, главным образом — женщины, просить милостыню. Но они никогда не просили денег, они просили хлеб и вещи. И я никогда не забуду, как одна женщина говорит: подайте, Христа ради, хоть что-нибудь, и распахнула рваный грязный ватник, и оказалось, что она голая. Даже рубашки на ней не было. Это я на всю жизнь запомнила» (Лунгина, 2009:81).

Мандельштам в стихотворении 1933 года представляет образ полного молчания:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...⁸

8. https://rvb.ru/20vek/mandelstam/otext/vol_3/04annex/oversus/3_282.htm. Крым был частью РСФСР, и в Крыму голода не было. В хорошо до-

ИСТОРИЯ

Симакина осталась одна в пустом доме, с кусочками от матери. Тут снова, как *deus ex machina*, появляется председатель, который раньше ее и Ваню предупредил о штурме.

Пример 21. Тиф, председатель, спасение

А тут у председателя нашего захворала жена — тифом. <...> а у ней была девочка, лет, видно, девяти. Клавдя звали. Вот, приходит ко мне этот председатель. А я сижу на печке, и у меня ноги и живот — все отечено. Наступлю — лопнет и текет из меня вода... «Тося, — говорит, — поживешь пока с девочкой, как жена в больнице будет лежать». Я отвечаю: «Не побрезгуете, Василий Михайлович? Видите, я какая...» А он: «Это не зараза, Тося, это — голод. Поживешь у меня с девочкой. Будешь есть хлеб. Только не вдоволь. Не сразу. Я тебе помаленьку велю есть...» Значит, у него хлеб-то был. <...> Ну, собрались, приел он меня. Сам пошел в больницу. Говорит: «Я приеду оттоле, дезинфекцию сделаем».

Ну, я отрежу кусочек хлеба, посолю. Съем. <...> быстро сошла отечность — за три дня все сошло. И вот жду я его, председателя-то. А у меня терпения не хватает — ну когда он будет дезинфекцию делать-то? Потом говорю: «Клавдя, давай!» Постель из-под нее вытащили на двор. Это вот сейчас матрасы-то в доме, а тогда — тюфяк соломенный. Вытащили одеялку, подушки. Это вот сейчас обстановки в каждом доме сколько, а тогда: стол да клеянка, столешник деревянный да лавка. И всё... Ну, вытащили всё. Речка рядом. Пошли, принесли воды, поставили на солнышко, нагрелась она. Давай потолок мыть — я вымыла и девчонка со мной старается. Шпалеры обтерли, Клавдя окошки моет. Убрали... И полы перемыли — только что не выстирали. Постели на дворе — все выбили, принесли, постелили опять. Тут Василий Михайлович, Ястребов, председатель, — приезжает. «Да зачем же вы это сделали?! — говорит. — Вы ведь теперь заразились...» Но ничего не сделалось нам. Вот зараза была — голод! Какой там тиф против него?! И вот я у них жила, видно, недели три: до тех пор, пока жена не пришла. А потом, значит, я ушла. А документов он мне почему-то не дал.

Что здесь важно для историка? Во-первых, поразительная живучесть: три дня на хлебе и воде полностью вернули энергию. Во-вторых, нетерпение заняться привычной работой, прибраться в доме. Даже и в 80 лет Симакина описывает ее подробно, со вкусом. Но в-третьих, самое главное: документов, чтобы уйти на работу в город, Ястребов ей не дал.

кументированной истории еврейских колхозов в Крыму 1933 год никак не отмечается, см.: Dekel-Chen, 2005.

Хотя и без справки, Симакина ушла в город. В деревне ей жить было негде: ее дом стали разбирать на брёвна, чтобы построить дом колхознику.

Пример 22. В Саратов на фабрику (Виноградский, 2012: 66)

Ну, что же делать? Собралась в Саратов. Там недалеко — фабрика Самойлова. Когда раскулачили всю материну родню, так они все туда попрятались <...> сами, не дожидаясь ссылки, туда подались, до большой заворохи. <...> Ну чаво, куды мне деваться? Больше мне и выходу нет... На огороде у нас была рожь посеяна, половина огорода... Ну, ушла я в Саратов пешком. <...> Из Саратова, там мне растолковали, как до фабрики Самойлова дойти. Там близко — километров двадцать.

На самом деле фабрика называлась «имени Самойловой», известной революционерки. Она закрылась в 2010 году, но здание стоит до сих пор. Google Мар подтверждает, что от Саратова до фабрики действительно «близко — километров двадцать», но до того Симакина прошла 90 км от деревни до Саратова, где переночевала и утром отправилась к дяде на фабрику. Крестьяне покрывали большие расстояния пешком (см. ниже раздел «Передвижения»).

Пример 23. У дяди на фабрике (Виноградский, 2012: 66)

Ну и вот, пришла к дяде. Ну чаво ж, — денек пожила, два. Он пошел в фабрику-то. А у меня документов-то нет никаких — я жена кулака. Приходит дядя, говорит: «Ну, Антонина, я тебя определил...» А тогда была карточная система. А я пришла на фабрику Самойлова где-то третьего числа: карточки-то уж выдали на производстве, на месяц. Дядя говорит: «Ну, как-нибудь месяц-то проживем...» Ну, у них был еще запасец-то: маленько, может быть, там... Ну, работаю. Там — пряжа мотается, ватка идет лентой. Она подымается, я ее отрываю; а как полна станет, я новую катушку вставляю... Вот так я проработала месяц. И карточки тут мне бы получать, на другой-то месяц-то, а у меня нет никаких справок, никаких документов. Меня оттолк и уволили. Ну, куда же мне еще у них жить? Я и так у дяди кормилась месяц. Пошла опять пешком — чего же, мне дали немножко на фабрике денег.

Невезение Симакиной продолжается. Во-первых, пришла на фабрику в начале месяца, когда карточки были уже выданы. (Поневоле подозреваешь, что могли бы и дать, но решили на ней сэкономить — раскулаченная единоличница без документов.) Во-вторых, год был 1933-й. Фицпатрик пишет: «На практике <...> ограничения передвижения крестьян вовсе не были так строги, как в теории. Исключение составлял лишь 1933 г., первый год существования паспортной системы, когда были предприняты действительно серьезные и довольно успешные усилия, чтобы сократить отходничество и крестьянскую миграцию в город» (Фицпатрик, 2008: 112).

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

По дороге домой Симакина вспоминала о посеянной ржи.

Пример 24. Справка (Виноградский, 2012: 66-67)

Иду и думаю: на огороде уж, наверное, рожь поспела — на огороде-то у Ружьевых, у раскулаченных. Думаю — я хоть сожну рожь-то... Пришла — и мне рожь не дали. Совет не дал...

В.В.: Кто, Ястребов не дал?

Симакина: Да не Ястребов, а Совет! Там, чай, и повыше его были. А Ястребов так, — погонялкой был у них. Если можно было бы, он мне справки достал-бы, а вот не сумел, видно.

Речь идет о ржи, но Симакина вспоминает главную обиду. Как и с Донькой и с тем неизвестным, который украл подушку из-под мертвого Вани, Симакина пытается найти какое-то оправдание Ястребову, который мог бы переменить ей всю жизнь к лучшему.

Передвижения

Пешее передвижение всегда было обычным среди крестьян — у Чехова Ольга и Саша идут пешком из деревни в Москву. Оно стало еще более частым, когда всех лошадей, как «орудия производства», забрали в колхоз. Симакина упоминает хождение в Коптовку, где Ваня продал пиджак («здесь рядом» — говорит Симакина о прогулке 12 км в один конец). Самый долгий поход в оба конца за день был в Бурасы (17 км), поселок побольше, где были МТС, военкомат, суд и тюрьма, а совсем неподалеку (еще 7 км) железнодорожная станция. На станцию сдавали натуральный налог. Тягловой силой были быки или коровы, или просто сами женщины: «*На себе в Бурасы возили налог сдавать. Ящик сколачивали и тележку делали. И тащили на себе. Вот как жили!*» (Виноградский, 2012: 59).

Если поездка была для колхоза, давали быков и сани. Можно было бы сидеть в санях вместо ходьбы, но на Симакиной не было ни штанов, ни подштанников — сидеть было холодно.

Пример 25. На быках в Бурасы (Виноградский, 2012: 89)

Мне приказом — бочку машинного масла привезти. Варюшке постановили — керосину. Растегавне постановили еще там чего-то — керосину же... На бурасскую станцию, на быках, зимой... Это легко сказать! А у меня — ни обуви, ни одежки как следоват не было. Коленки-то без штанов были: иду вот эдак-то за быком, а его ведь надо все время погонять! Его хлыснешь, хлыснешь, а он задницу свою эдак повернет и опять идет по-своему. Он, чай, — бык, а не лошадь! И вот я иду за быком. Байковой одеялкой накрылась. А Варюшка остановилась: пописать ли, чаво ли там. Оттоль бежит... И я тут остановилась — оправиться маненько. Ну вот, оправилась, пошла... А Варюшка за мной бежит, говорит: «Тонька, неужто ты без штанов?!» Я говорю: «Без штанов, да». Она: «Да что ж ты не надела штанишки-то?» Я ей: «Да где

же это я их возьму-то — штаны?» Она опять: «Чай, Лёнины бы какие-нибудь взяла бы». Говорю ей: «Да как же я с Лени стащу?! Стащу, а он будет без штанов, на ремонте в МТС-е работать?!» Ну, поговорили, и она говорит: «Садися...» Села я, и она мне колёнки завязала. У ней тряпка была — лоб повязывать, так она ее пополам разорвала... Сижую, а из-под саней-то дует, мне холодно... Опять я слезла, иду пешком за санями-то. А ведь это пять-десять километров — назад-вперед. Туда — двадцать пять и от-толь — двадцать пять. Приедем на станцию — ночевать там наладимся. Потому что раздатка на станции только до пяти часов вечера работает. А в пять часов кладовщик, который от-пуцает, — он уж шабашит. <...> А утром, в шесть часов, поехали на базу-то, налили... И поехали в Лох. Ну, опять эдак вот пуржит — ни дороги, ничего нет. Вот как ездили!.. Это, говорю, сейчас что вы работаете, — пустое. Это было в году 1935-м... Да и в 1936-м, и в 1937-м мы эдак же на станцию на быках ездили... Зимой...

Здесь впервые появляется второй муж Симакиной, тракторист Лёня Симакин. Они познакомились в том же 1933 году. Вернувшись из Саратова, Симакина пошла жить к сестре, которая к тому времени вышла замуж за тракториста. Его приятель Лёня начал приходить, потом посватался. Она спросила сестру, что делать; та ответила: «Я не знаю, Тонька... Ведь сколько у нас ни живи, а все равно тебе надо определяться...» Пришел Лёня с сестрой, сговорились. О приданом речи не было: «Ведь у меня ни постели, ничего нет... Я ведь в чужой юбке пошла и в чужой одежи пошла к нему». Свадьбу справили в январе 1934-го, на Крещение. С Симакиной пришла ее двоюродная сестра, нянька Саня, которая и одолжила ей юбку.

Пример 26. Свадьба (Виноградский, 2012: 68)

Ну и вот, пришли. А у них маленькая была избенка: окошечки-то все на полу. Пришли, — а там свекровь была, и золовка, и деверь — Петька... Ну, наварили затирухи из муки, — это навроде похлебки. Сели обедать. Ну, чаво же, вина нет, так поели. Нянька ушла, я осталась. Мне золовка отдала свою кровать — там и тюфяк из соломы, там и дерюга, и подушки. Ну, осталась я... (Тяжело вздыхает, молчит.)

Весной Симакину приняли в колхоз. С того года и в колхозе, и в семье Симакиных дела пошли лучше. «Лёня получил деньги, вскоре, купил мне шубейку, купил мне калоши, купил чулки, купил мне на платье... Слава богу!» У них завелись овцы, и в следующий свой поход в Саратов Симакина гнала овец на рынок. 90 км, с овцами, доходили за день.

Пример 27. В Саратов, торговать (Виноградский, 2012: 58)

Я раза три-четыре ходила пешком со скотиной: с утра выйдем и уж к ночи придем в Саратов. Ну, уж нам и доставалось — все-таки далеко. Помню, в 1934 и в 1935 году гоня-

ли мы своих овец и телок. Придем в Саратов, — а там у меня была сестра двоюродная с мужем. Придем, загоним — а у нее были коровы, хлева. Переночуем. А утром рано муж сестрин нам зарежет, и на себе тащим по полтушки на Верхний базар, — торговать.

Симакина рассказывает это в самом начале разговора, когда Виноградский только что прибыл из Саратова, до Бурас на автобусе, «а вот от Бурас до Лоха полпути пришлось пешком идти — автобус отменили. Спасибо, электрик довез, колхозный... Все-таки далеко». Симакина, усмехнувшись снисходительно, говорит: «в старину мы не то что в Бурасы, — в Саратов ходили пешком...» Так сразу появляется ее постоянная тема: у нас была тяжелая жизнь, но как люди мы были лучше сегодняшних, сильнее, выносливее, смелее. «Тогда — все на себе! Это сейчас до уборной бояться пешком дойти...» (Виноградский, 2012: 86).

Как справлялись

Годы с 1934-го по 1938-й были, в общем, хорошие. Конечно, налоги были большие — иной раз невозможно было не выматериться. Симакина предупреждает Виноградского о матерщине — в США сегодня это назвали бы «trigger warning» (осторожно, триггер!) — что показывает общее отношение крестьян к вежливым образованным посетителям, которые говорят по-городскому. Сама матерщина, возможно, смягченная или самой Симакиной, или Виноградским для печати, показывает знакомство с сексуальными практиками, о которых в советское время не говорилось.

Пример 28. Налоги (Виноградский, 2012: 59)

Мы жили так, что и мяса-то не ели, а все продавали. Тогда налоги были очень уж большие. Платили: три центнера картошки, десять килограммов масла платили... Шерсти с овец отдавали — два кило. У моей золовки была коза. Я пришла к ней — а сама-то я шерсть уж отнесла в Совет, — пришла и говорю: «Ариша, вот, дали тебе бумажку — с козы велят шерсть сдать...» А она на меня смотрит и говорит... Я ведь, Валера, изругаюсь сейчас! Говорит Ариша: «Да в три вас дыры! Да где это я им у козы возьму шерсти?! На хвосте, что ли, начешу?» (Смеется.) Так вот, и с козы брали двести граммов. И яйца, и масло брали. И мясо — двадцать килограммов... Мы трУсков, ну, кроликов держали: ими хорошо было выплачивать. Мясо — мясом выплачивали.

Но все же они оба работали, и в колхозе дела шли хорошо.

Пример 29. Хорошие года (Виноградский, 2012: 68)

Ну, а весну (1934 г. — А.Н.) мы стали работать — и он работает, и я работаю. Так до 1937 года и проработали, заработали хлеба много. Премировали меня два раза и его тоже... <...>

мы все делали: и косили, и пололи, и сарай-хлева глиной мазали, потом затирали и белили... И в поле все делали, и на быках, и на плугах... Что ж, надо где-то работать. А у меня еще детей не было, молодая я была... Трудодней мы много заработали. А тогда давали и пшеничку, и рожь, и чечевицу давали, и просо давали. Мы много получили — сыпать некуда. <...> Был у нас в деревне кредит, магазин. Мы сдали хлеба столько-то, в кредит. Купили телочку и овечку. И вот с этого времени мы начали жить... Потом тут наложили налоги. В каком это было году, я уж позабыла. Налог наложили, а денег-то еще не давали... Это, верно, был год 1939-й или 1940-й.

1939 год

Начало Второй мировой войны осталось для крестьян незамеченным. Во всех просмотренных материалах единственное упоминание находим в летописи Плотникова, где о 1939 годе говорится:

Пример 30. Плотников, 1939, (Осипов, 1995: 76)

трактора лигроиновые осенью все унас взяли вармию когда полишу дилили с Германией мы остались стракторами на твердом топливе

Лигроин — это не бензин, но все же это основанный на нефти самовозгорающийся продукт, который просто заливался в бак для топлива. Твердое топливо — это деревянные чурки для газогенераторного двигателя. Плотников пишет: «Вот было делав сзаготовкой чурки заготовить на пилить нетак трудно как ее высушити».

То, что для Плотникова было потерей оборудования, для Симакиных обернулось гораздо хуже. В 1939 году сильно подняли налоги: во-первых, ускорилась подготовка к войне, во-вторых, по новому договору надо было отправлять большое количество продовольствия в Германию. Кроме как с крестьян, брать новые ресурсы было негде.

Пример 31. Налоги. Тыквы (Виноградский, 2012: 69)

Потом тут наложили налоги. В каком это было году, я уж позабыла. <...> Это, верно, был год 1939-й или 1940-й. И вот, значит, налог. Опять собрали бригаду — налог платить. <...> Я сижу около окошка, гляжу. А народ-то идет, идет в бригаду-то. Сижу, гляжу. Народ обратно пошел, а Лёни-то все нет. <...> А Женька маленький, сын наш, на печке спал... Гляжу, идут... Еще гляжу — да батюшки мои! Это ведь к нам идут! <...> Идут с описью. Ну чего же описывать-то? Скотину-то мы еще летось сдали. Ну, зеркало было у нас. Самовар был. И тыквы были под кроватью... «Выкатывай тыквы!» — говорят. <...> Лёня-то выкатывать стал тыквы и говорит: «Да нате, забирайте...» А я стою и говорю: «Эх вы!

Одну семью угробили, а вот теперь другую угробляете...» Еще им говорю: «Господи, а до утра-то нельзя, что ли, было оставить...» А они — выкатывают тыквы, считают. И вот когда нас забрали в тюрьму. <...> Лёню посадили и меня посадили. Как раз вот в январе месяце. Посадили нас в сани, завернули в полог и повезли в Бурасы. Я кричала-кричала, а они везут и везут... Привезли, толкнули его в камеру, меня — в другую. Восемь дней сидела я. И Лёня там сидел. Потом Лёню увезли в Вольск, а меня оставили. Потом допрашивать взялись — два раза на день допрашивали.

Обвинение Лёне было такое: «Один из членов Совета показал, что его по башке ударили тыквой». Симакиной вменялись слова, что «угробили семью». К счастью, до того, как ее увезли, ей дал важный юридический совет новый после Ястребова председатель Совета.

Пример 32. Юридический совет

Когда меня забрали, он мне сказал украдкой: «Тося, ты не ви- нись, что эдак сказала-то, что Советская власть угробляет людей. Повинишься — статья-то тебе будет политическая...» Не знаю: он правду говорил, не знаю — нет. Ну, я, все-таки, как выведут меня к допросу, — не винюсь. Помню, как он говорил: «Пускай чего хотят делают — все равно ничего не сделают! Не застрелят, чай, тебя, но стращать тебя будут — не ви- нись!..» <...> И вот сколько меня ни допрашивали, я на своем настояла, не повинилась. Ой, и револьвером на меня стучали... Допрашивали, мучали-мучали меня, потом отпустили.

О детоубийстве

Из камеры на допрос Симакину водила конвоирша, тоже заключенная, из уголовных.

Пример 33. Конвоирша. Детоубийство (Виноградский, 2012: 69)

Конвоиром была женщина. Сама осужденная: сделала ребен- ка и в смородину его закопала, а сосед доказал. Ну, донес, ей дали три года за него — за ребенка-то. Вот она при тюрь- ме там помогала. Идет она, отпирает: «Пошли, Симакина, на допрос...»

От нежеланного ребенка можно было избавиться через аборт или детоубийство. При полном отсутствии медицинской помощи аборт был делом опасным. Энгельштайн пишет, что до революции среди крестьян детоубийство было гораздо более распро- странено, чем аборт, тогда как в городах, даже среди фабричных работ-ниц — недавних крестьянок, аборт значительно преобладал (Engelstein, 1992: 142). Когда большевики ввели самый либеральный в мире закон об абортах, практика детоубийства в деревне про- должалась. Вот запись выдающегося этнографа Феноменова, сде- ланная в 1923 году.

Пример 34. Рассказывает У.М. Стуколова, 44 года. Псковская область (Феноменов, 1925: 115)⁹

Парень Гришка гулял с девицей, по дням не гулял, а по ночам гулял. Она затежалела от его, все скрывалась от родителей и от людей. Ходила к нему навязываться, замуж чтобы взял, но он не взял: она бедная, а он хуть не очень богатый, а посправней ейного-то жил. Потом, когда отец ее узнал, что она в положении, он ее стал бить, выгонять стал. Она проживала кое-где: день сыта, а два дня голодная, потому что она не могла работать. Потом она, уже когда выгнана была отцом, хотела она родить в роце и удушить ребенка; у нас есть роца така возле деревни, — в ней всё девки рожают да ребят душат; и она так хотела, да не удалось ей, народ тут все ходил, помешали. Тут кака-то женщина уговорила ею и увела в деревню в Скокова к себе — они двое со стариком жили, и она там родила. Они ею поили, кормили — батька недели три ее не брал, потом сожалеся, взял ею.

Из дальнейшего рассказа узнаем, что молодая мать подала на Гришку в суд, но ничего не отсудила, потому что у него в деревне были большие связи. Пока она судилась, ребенок умер, не прожив и полугода. *«Теперь она в услуженьи»*. Феноменов спросил, сможет ли она выйти замуж. *«Конечно, выйдет. У нас это ничего: в нашем месте берут. На личико она хорошенька — молоденька (17 л.), ею возьмут с удовольствием»*.

У Бориса Миронова в его фундаментальном труде «Социальная история России периода империи» (Миронов, 2003. Т. 1: 201-206) содержится раздел о детоубийстве. Миронов отмечает как «бесспорный факт», что «детоубийство имело место в России, как и во всех странах мира в XVI–XVIII вв. <...> Проблема состоит в другом — являлось ли детоубийство в России редким, исключительным или массовым, бытовым явлением? Я склоняюсь к первой точке зрения. *В источниках нет ни одного свидетельства об обычае убивать девочек или детей вообще* (Там же: 201) (курсив в оригинале. — А.Н.). Однако далее Миронов отмечает, что «в отношении безнадежных инвалидов, а также и незаконнорожденных детей, чья судьба действительно была грустной» намеренно плохой уход и детоубийство были нередки (Там же: 206). Материалы Виноградского и Феноменова показывают, что детоубийство не было неслыханным делом и после 1917 года. В послесталинские времена и в этом тоже произошли перемены.

Следующий пример — из села Пилипы-Хребтиевские Хмельницкой области Украины. Село русскоязычное, потому что основано было старообрядцами в XVIII веке. Старообрядцы сохранили

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

9. Единственная в своем роде книга, до сих пор не переизданная. После 1920-х и до 1990-х таких исследований не было.

и язык, и веру; когда стало возможно, то снова появился и батюшка. В примере говорится о работе на табачной плантации.

Пример 35. Мария Ягодина, 1934-2005

Страшно чяжело было. Это было варварски труд для женщин. Я (в)спомню кода, это живая каторга была. Не было как детёнку истъ сварить. А зарабатывали ни рубля, нам не платили деньги. И вот я своих детей не видела маленьких. Их токо ночью приду пощупаю, — и на поле. Вот это какая была жизнь, можно было разжиться, чи можно было жить, чи можно было детей?! Пойдѣи на исповедь, батюшка говорит: «Винись, абортъ делала?» А шо ж, не делала! А куда ж я их мала (могла. — А.Н.) родить? Я кажу: «Батюшка, да вы не знаете нашу жисть. Да вот нам николи не позавидовали, не сказали, что грех это. Потому что мусил, но нема что (должно, но никак. — А.Н.).»

Симакина: суд и приговор

Через неделю после допросов Симакину вызвали в суд. Она и трое понятых вышли рано, чтобы успеть в Бурасы к девяти утра. Во время суда, Симакина и Лёня вину отрицали, и двое понятых их поддерживали. Порядок, кажется, соблюдался не вполне: «А Семка-то, третий понятой, — плел, плел, да и убег из суда незнай куда...» (Виноградский, 2012: 71). Суд, однако, нашел обоих виновными.

Пример 36. Приговор. Обморок (Виноградский, 2012: 71)

Ну, осудили нас... Лёне дали два года. Тут же его забрали, увели. А мне дали шесть месяцев принудительных работ. Как нам зачитали все это, повели его, — я как ляснулась на пол и не помню ничего... Его отвели, я очухалась немного, вышла на двор. И пешком пошла домой, в Лох...

Война

Симакина не рассказывает, отсидел ли Лёня свой срок. Его следующее появление — в конце 1941 года. Ему было 38 лет, он вначале был на брони, работал в Бурасах. Это был обычный порядок.

Пример 37. Зимнее расписание. Баня (Виноградский, 2012: 74)

Бывало, по всей зиме на ремонте мужики стояли, в МТС, в Бурасах. В субботу домой, в деревню придут. Уж с утра баню топшишь. Как вымоются, так следом и выстираешь с них в бане-то. В бане и сушили... Нечем смениться-то было! А хочется с себя да с одежды грязь-то отмыть, чтобы идти чистенькому на всю неделю опять. (Следует долгое описание, как трудно было раз-

весить все сушиться в маленькой бане. — А.Н.) *Вот как жили!.. А сейчас чего? Сейчас — одни штаны испачкал, надевают другие. Другие испачкал — третьи надевает... Разве эдак штанов напасешься?..*

В 1941-м все было по-другому. Лёня домой не пришел, самой Симакиной пришлось идти в Бурасы.

Пример 38. Война. Лёню забирают на фронт. Часы-редкость (Виноградский, 2012: 98-99)

Стучится раз мне в окошко Федька Трунин: «Тетья Тоня, тетя Тоня...» Я встала с печки: «Чаво?» А он: «Тебе дядя Лёня звонил в сельсовет, чтоб ты утром везла ему военный билет, в Бурасы... Их завтра отправляют на фронт, с трактором...» «Батюшки!» — думаю. Плачу же! А у нас были труски (кролики. — А.Н.), под полом жили, в избе. <...> Поймала я труску, зарезала ее, затопила голанку и сварила. И ночью пошла в Бурасы. Иду, иду — нет никого нигде. Думаю: «Ну сколько же времени?!» <...> А у нас, как в Косую гору подымаешься, была Хмелевка. Деревня... Вернее, хутор. Там наша сродница жила. Я иду к ней. Стучусь... — «Кто там?» — «Бабушка Таша, это я, Тонька Пудовина...» (Пудовины — уличная фамилия Симакиных. — В.В.). Она из-за двери: «Миленькая, да ты это чтой-то?» — «Да ты отпирай», — говорю... Ну, отперла она, спрашивает: «Это чтой-то, нужда что ль какая тебя гонит?..» Говорю: «Конешно...» Говорю: «Сколько времени-то?..» А она в окно поглядела, говорит: «Не знаю... Еще вон зарницы-то нет...» — «А часы у тебя есть, бабушка Таша?» — спрашиваю. Она говорит: «Нет, миленькая, нет. Я пойду Костю Мещанова разбужу — у них, вроде, часы есть...» Она шаракнулась. Приходит, говорит: «Тоська, да ты что?! Времени-то — только три часа ночи...» Ну вот, только три часа, а я уже на Хмелевку пришла... Ну, посидела маленько, погрелась. Стала тут уже заря заниматься. Я встала, пошла. И я уж в восемь часов пришла в Бурасы.

Стенные часы были редкостью, о ручных и речи не было. В другом месте Симакина описывает, как бригадир, чтобы узнать, настал ли полдень, меряет свою тень «лапами», т.е. стопами (Виноградский, 2012: 108).

Пример 39. Продолжение примера 38. Прощание. «Я завыла...»

А все уж — готовые, стоят у военкомата. Трактора тут же. Я всхожу в военкомат-то — Федя Казанкин сидит. Я спрашиваю: «А где Лёня-то?» — «Да вон, у начальника в комнате». Выходит Лёня: «Принесла, что ль, военный билет-то?» — спрашивает. «Принесла...», — говорю. А он говорит, что отправляют, мол, нас на фронт. Вместе с трактором. Ну, чего ж... Я завыла, билет отдала ему, он пошел к начальнику военкомата. Вышел... Простились, и он пошел. И уехали. А я домой пошла пешком.

ИСТОРИЯ

Лёня был ранен, но выжил, вернулся домой калекой. По случайности увечье у него было такое же, как у мужа Миньковой (Пример 5). Но даже и с одной рукой, он что-то приносил в дом.

Пример 4с. По зёрнышку одной рукой (Виноградский, 2012: 74-75)

Когда он в январе 1944 года пришел с войны — у него плеча не было. Рука только что на центральной жиле держалась — он ее поднять не мог. Не мог сам голову мыть. Когда Лёня пришел, у меня было немножко хлеба. Зиму кое-как пережили. А тут уж весна — доели хлеб-то. А на улице обтаивать стало. А у нас было недалеко гумно, на задах... И вот Лёня пошел на гумно. Рука у него была вот эдак привязана... Ну, пошел он на гумно. Солнце яркое светит, тепло стало, водичка побежала. Я сумочку ему дала — на гумно-то идти. Ну, это недалеко. Края-то у гумна обтаивать под солнцем стали, а там по осени просо обмолачивали. И вот зернышки-то остались! И Леня по зернышку, но зернышку — из грязи просо выбирал и в сумочку складывал. В зубы сумочку-то брал! Руки-то одной нет, не работает одна рука... А Женька стоит на окошке, ему видать все. Ну, идет с сумочкой Лёня. Набрал проса. Две горсти. А Женька кричит: «Папанька идет, папанька идет! Несет чего-то!» Ну, папанька пришел — я скорей просо мыть. Вымыла его, стекло решето, вода сошла с проса — чисто вымыла. И в печку на противень — разровняла, сушу. Высохло оно. А уж они ждут-не дождутся! Высохло! А у нас была ступа и пест. Натолкла я проса и кашичку сварила. На тагане в маленьком чугушке. Вот мы маленько и наелись.

О жизни ветеранов-инвалидов написано немало, но, как всегда, больше всего о городских. Часто обсуждается их неприглядный вид, неподобающий облику советского города, и периодические «зачистки» городов от инвалидов, которые просили милостыни и занимались мелким криминалом (Bernstein, 2015; Dale, 2013; Edele, 2006). В деревне таких проблем не было. Однако деревня не получала от государства даже и той мизерной помощи, которая шла городским инвалидам. Масштабы ее, по первому постановлению Совнаркома о социальной помощи инвалидам (январь 1944 г.), сведены в следующей таблице:

	Не связанным с сельским хозяйством (в рублях/мес.)	Связанным с сельским хозяйством (в рублях/мес.)
инвалиды I группы	100	80
инвалиды II группы	75	60
инвалиды III группы	50	40

В том же месяце 1 кг муки стоил от 130 до 250 рублей, литр молока от 40 до 80 рублей¹⁰. Лёня не получал даже и свои 40 рублей: скорее всего нужны были какие-то бумаги, которых у него не было¹¹. Однако колхоз Лёне сильно помог: его назначили караульщиком.

Пример 41. После войны. Лёня сторож

Ну, мы мало после войны-то голодовали... Тут Лёня у нас пошел караулить. Эдак же принесет украдкой — с килограмм ли, с два ли... Вот так: из-за кармана, из-за сумочки ходили работать! Чтобы только с голоду не умереть.

Колхозы вообще старались помочь инвалидам. Алымов цитирует статью председателя колхоза в газете «Большевицкая искра» от 19 июля 1945 г.: «В нашем колхозе имеется пять объездчиков, <...> которые круглосуточно охраняют посеы на корню. Кроме того, два человека <...> сторожат посев гороха. Вся эта сторожевая охрана подобрана из честных лиц, инвалидов Отечественной войны» (Алымов, 2010: 10).

Сторожевая охрана была необходима, чтобы остановить «кражу» еды с колхозных полей. Одна из крестьянских записей Алымова показывает объездчиков в действии. Рассказчик был в те годы подростком, работал в колхозе.

Пример 42. Анатолий Фомин. 1936–2005 годы. Вирятино (Алымов, 2010: 12)

Тогда мы горох поехали молотить. Приехал объездчик Андрей Иванович. Говорят, приехал проверять, чтобы никто не взял. А с бочкой, с водой, я-то маленький. А у женщин у всех, может, по пригоршине этого гороха, и они туда, в воду, у меня там полбочки воды — бух-бух. Говорят: ехай, ехай. А он видит, что я на лошади сижу, у меня ничего нет. Сижу на бочке. Сюда на конный двор приехал, они все туда, достает каждая из воды — домой. Домой придет — горох сварит ребятишкам.

Голод 1946–1947 года. Перемены власти

Контекст предыдущего примера — обычное недоедание послевоенных годов. Ни деревня Лох, ни село Вирятино не пережили голода 1946–1947 года. Засуха 1946 года сильно ударила по южным районам. Особенно плохо пришлось тем районам Западной Украины

10. <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni>

11. «В результате ранений, обморожения, гангрены и неадекватной медицинской помощи миллионы советских солдат стали инвалидами во время войны. Консервативно их число оценивается в 2,75 миллиона, но скорее всего их было гораздо больше, принимая во внимание житейские и бюрократические препятствия к получению инвалидного статуса (и, следовательно, к скромному государственному пособию, которое причиталось инвалидам войны» (Bernstein, 2015: 114).

и Молдавии, которые впервые попали под Советскую власть в 1939 году, оказались в немецкой оккупации или вернулись в Румынию во время войны, а по ее окончании надолго стали частью СССР. Для них конец войны стал началом коллективизации, так что они «прошли» пятилетку 1928–1933 годов, от раскулачивания до голода, в два года.

Как уже упоминалось, во многих районах Украины и Молдавии были русские деревни, основанные старообрядцами в XVIII–XIX веках. Например, село Приморское Одесской области «было основано в XVIII в. казаками-некрасовцами, выходцами с Дона, а позднее пополнялось другими старообрядцами из сёл по нижнему течению Дуная...» (Касаткин, 2017: 565; Касаткин, 2016). Касаткин, который собирал записи старообрядцев в России и Украине, Эстонии и Молдавии, Бразилии и штате Орегон, побывал в Приморском в 2003 году и записал жизненную историю Дарьи Горшковой.

Пример 43. Дарья Куприяновна Горшкова. 1931–2003. Село Приморское, Одесская обл. (Касаткин, 2017: 566)

У нас (в)от была Румыния, мы жили тут при Румынии до сорокового года. Малая была — ходила в садик, пошла потом вот у первый класс. Пришли русские у сороковом году, отбили этих румын, стали тут русские. Запретили в церкву ходить. Тоже пошла в школу. Нас опять же узяли с первого класса у первый класс, учили русский язык нас. После года этого, как война началась двадцать первого июля чи в июне, румыны опять пришли, выгнали этих русских, мы остались у румынов. Узяли нас обратно у школу опять ниже классом.

В этом рассказе Горшковой примечательно, что ей запомнилось, что отобрала ее память. Русские запретили ходить в церковь. Снова послали в первый класс, учить русский язык. Потом пришли румыны и снова послали в первый класс. В остальном крестьян оставили в покое: *«Жили так сами собой, как што умел. Сеяли коноплю, ткали полотна такие сами, чтоб сшить юбку какую-нибудь или кофту. О такую мы жизнь вели»*. Власть была румынская, но рядом с деревней был немецкий аэродром.

Пример 44. Немцы в войну (Касаткин, 2017: 567)

Нас тут немцы не обижали наше село. Может быть, де-то, как мы слышали, по книгах, по телевидению, что де-то они делали плохо, но у нашем селе оны стояли, никому не делали плохо. Не трогали нас, покупали у нас молоко. Даже у несила им молоко, де оны там жили, курочек носили туда им, петушков молоденьких. Оны ещё заплотють, сколько скажешь. Дорого платили, ещё тебе и шоколадку дадут там, угостят чем. В общем не обижали никого в селе у нас. Ну тут побочены сёла, как от слышала я, что там партизаны были, там что там делали, но у нас этого не было.

В оккупированных и управляемых немцами сельских районах шоколадок, конечно, не давали и кур забирали бесплатно, но об-

щее описание бывает схожим. Баранова пишет: «Для воспоминаний о войне характерен обобщенный образ немца-оккупанта, который присутствует в сознании рассказчика независимо от того, полемизирует он с ним или соглашается. <...> Общераспространенность такого образа оккупантов проявляется в стремлении рассказчика объяснить, почему он не подходит для описания ситуации в их деревне: “Так что говорят вот таких ни одного случая какого-то бесчинства не было, но правда и жили-то они не долго” <...> В сознании рассказчика присутствует представление о том, что делали немцы, и он стремится согласовать собственные воспоминания со стереотипом. Одна из наиболее распространенных стратегий — отнесение зверств оккупантов в соседние деревни/округи, достаточно хорошо известные рассказчику, но не относящиеся, видимо, к “своему” обжитому пространству: “Нет, вот в нашей округе, как я знаю, немцы не зверствовали, а вот еще в Волотовском районе, туда вот поближе к Соловьеву, по-моему, там вешали комсомольцев”» (Баранова, 1994: 48).

Крестьянские воспоминания о войне и оккупации — это особая, малоизученная тема. «Крестьянская» глава книги В.Н. Ковалева об оккупации никаких устных свидетельств не содержит¹².

Коллективизация, 1945 год

С приходом Советской власти сразу началась коллективизация. У Горшковой была большая крепкая семья, типичные кулаки. К беднякам она относится неодобрительно.

Пример 45. Коллективизация, раскулачивание (Касаткин, 2017: 567-568)

Ну потом пришли ж опять русские, всё это выгнали, стали у нас русские, стали колхозы делать. Забрал колхоз у нас косылки, и веялки, и кони, и коровы, разобрали наш забор, всё забрал колхоз. И де какие были овечечки, де зёрнышко, всё было везли. И подняли тут некоторые семьи, которые были проти этого, чтоб сдать. Забрали их на чёрную машину и повывезли в общем.

А большинство этих (в)от наших таких бедняков, пьяниц, которые были: «О! наши пришли! Забирайте их, кулаков, оны кулаки». И тут у нас у селе многих забрали на машину, увезли, так и по сей день нема. <...> Говорять русские, что мол оны держали там людей, не платили. Это просто семья, своих детей имеют пять-шесть человек, батька, матка. Тогда ж как рабы у стéпи, утром у степ, увечери домой. Семьи так работали, чтобы было.

Война закончилась девятого мая, ну и почали нас шарбуйть — всё выбирать, забирать. Ну, повыгребли всё, по ха-

12. Глава «“Колхоз” готическим шрифтом» в: Ковалев, 2011.

там ходили, даже родители у лежаночку закапывали зёрнушко, они отрывали, забирали всё, что было что съедобное. Вот всё вези, сдавай, всё вези, сдавай. <...> Забрали всех конев, и подводы, и косилки, и веялки. Это вот инвентарь — это всё забрали. И зерно забрали.

Из-за послевоенной разрухи и засушливого лета урожаем 1945 года был невелик. 1946-й был гораздо хуже. «По силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. была больше, чем в 1921 г., и напоминала засуху 1891 г. Во многих районах дождей не было 60–70 дней подряд. <...> В засушливом 1921 году за май-июнь выпало в 2 раза больше осадков, чем в 1946 г.» (Волков, 1991). В селе Приморском засуха последовала сразу за коллективизацией.

Пример 46. Горшкова. Голод (Касаткин, 2017: 569)

Буду говорить про свою семью. Отец, мать и нас трое деток. А гляди по всех полках, по всех кúтиках — не найдёшь что-нибудь, чтоб у рот можно было покласть. Все повысохли. Ну что, продавали всё, что было у нас там такое, всё попродали, и никому ничего не надо, и мы умираем. Никто ничего не даёт, не продаёт. Всё нема. Все голодны.

Сразу умер отец с голоду. Умер — закопали. Потом и девочка, моя сестра. И там люди все по селу мрут, даже разом соседи опухают, умирают. И на санки кладут их и везут на кладбище.

По селу идёшь, а люди лежат, той упал, той лежит уже, той доходит. Хоронить нема кому же, взять и закопать, бо все бессильные. И ещё снег такой высокой, мороз. Мама форя (хворая. — А.Н.) лежала, говорит: «Дочечка, иди погляди, там Петька-то живой? И живые оны?» Иду — как чурбаки, хто как, хто согнутый, хто лежит. Приду: «Мамочка, все лежат, все лежат». — «О, дочечка, хто же хоронить будет?» — «Не знаю, хто их будет хоронить».

И так, пока мороз, лежали, той лежит, той лежит, той лежит. И семьями, я лично видала сама. Семьи. Вот открытые двери, фуртуна (буря. — А.Н.), дует, мороз. И как же копать — все бессильные. И придут, там снег отроют, там чуточку землю подолбают и туда его положили. А то едут, санками собирают. На санки поклали, наклали, повезли, там вскопали, всех туда в одну ямку поклали.

А потом уже стало стаять, весна уже, надо же убирать. Уже когда растаяло там всё, и уже земля мягкая сделалась, что ходили, хто остался живенькой, закапывали, чтоб не было видно. Мы их закапывали. На нашей от вулице вам час расскажут. Коло нас две семьи все умерли. Пять детей и matka, и батька умерли. Сбоку тоже, так само умерли. И собак люди ели, и крыс ели, и даже люди людей ели. Вот тут сейчас жива одна семья, умер батька, и matka, и сын, и дочка одна умерла, а две остались, старшая и младшая. Младшая мой годок была. И эта старшая уже такая

форая, уже скоро ей помереть. У голод нема чего есть. Она ей отрезала ляжку, ногу и ела. Потом она умерла, она взяла её, там колодец у неё был выкопан, она в той колодец её кинула. Во так. Люди видели. Так много по селу было слышно, что люди ели людей.

Так на степной земле Южной Украины были воссозданы условия блокады Ленинграда. Однако Горшкова выжила, а следующий, 1948 год, как когда-то 1937-й, был для крестьян гораздо лучше.

Пример 47. Горшкова. Облегчение в 1948 году (Касаткин, 2017: 571)

Потом у сорок восьмом году уродила пшеница, колхоз посеял там штось. Уже мы зажили, дали нам по три кила пшенички на трудодень, а то ходили работали только за кашу. Мы тут начали крутить у каждой хате. Есть такая жёрна, и крутили, варили кашку и её ели и кушали. Только была уволю каша. Мельницу открыли у чужом селе три километра, пустили нас. Стали хлебушек есть, ну и так немножко отжили люди, которые остались. <...>

Ну председатель, которы был тут у нас, говорил, что придёт время, будете белый хлеб есть, кутья хотите есть, кашу есть не будем, хлеб белый будем только кушать.

При Брежневe предсказания председателя оправдались.

Заключение

Лишь небольшие отрывки из нескольких жизненных историй уместились в эту статью, и только история Симакиной была представлена более или менее подробно. Однако даже и на этом ограниченном материале можно поставить вопрос: в чем ценность крестьянских историй для исторической науки и исторической памяти? Ответ отчасти зависит от шкалы исторического внимания. В период с 1917 до 1953 года русские крестьяне были лишены многих гражданских прав и почти непрерывно жили под жестким угнетением властей. Историкам должно быть интересно, как проявляют себя отдельные личности, семьи и группы людей в таких экстремальных условиях. Какие можно разглядеть общие психологические черты и модели поведения? Как такие микронаблюдения соотносятся с большой исторической картиной народных движений? Устная история снизу, особенно жизненные истории крестьян, представляют незаменимый материал для такого рода исследований.

Библиография

- Алымов С. (2006). П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.
Алымов С. (2010). Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старо-
го к новому» и обратно // НЛО. № 101, без пагинации. <https://magazines.gorky.me>

- dia/nlo/2010/1/nesluchajnoe-selo-sovetskie-etnografy-i-kolhozniki-na-puti-ot-starogo-k-novomu-i-obratno.html
- Баранова В.В. (1994). Устные воспоминания крестьян о войне // Фольклор Великой Отечественной войны: сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и В. Федоровой. Курган: Парус-М.
- Виноградский В.Г. (2009). Орудия слабых. Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В.Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В.Г. (2017). Голоса снизу. М.: Дело.
- Волков И.М. (1991). Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР № 4. С. 3–19.
- Гольдин В.Ф. (2009). Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Вып. 1.
- Зима В.Ф. (1996). Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт Российской истории РАН.
- Касаткин Л.Л. (2010). Русская деревня в рассказах ее жителей. М.: АСТ-ПРЕСС.
- Касаткин Л.Л. (2016). Из деревенских рассказов // Новый мир. № 12. С. 39–48.
- Касаткин Л.Л. (2017). Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис.
- Ковалев В.Н. (2011). Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия.
- Лунгина Л. (2009). Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель.
- Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 3. М. С. 1–4.
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Нахимовский А.Д. (2017). Крестьянский язык и Революция: Письма во власть до и после 1917 года. (The language of peasants and the Revolution) // Revue des études slaves, «Philologie et Révolution», Vol. LXXXVIII. No 1-2. P. 113–134.
- Осипов Б.И. (1995). Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск: изд-во ОмГУ.
- Сейфуллина Л. (1923). Перегонной. М.
- Селищев А. (1928). Русский язык революционной эпохи. М.
- Феноменов М. (1925). Современная деревня. Т. 1-2. М.: ГИЗ.
- Фицпатрик Ш. (2008). Сталинские крестьяне. М.: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская политическая энциклопедия.
- Шафир Я. (1924). Газета и деревня. М.
- Яковлев Я.А. (1923). Деревня как она есть. М.: Красная новь.
- Bernstein F. (2015). Prosthetic Manhood in the Soviet Union at the End of World War II // *Osi- ris*. Vol. 30. No. 1. Scientific Masculinities (January 2015). P. 113–133.
- Dale R. (2013). The Valaam Myth and the Fate of Leningrad's Disabled Veterans // *Russian Review*. Vol. 72. No. 2. P. 260–284.
- Dekel-Chen J.L. (2005). Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1923–1941. New Haven: Yale University Press.
- Edele M. (2006). Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // *Slavic Review*. Vol. 65. No. 1. P. 111–137.
- Engelstein L. (1992). The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siè- cle Russia. Ithaca: Cornell University Press.
- Graziosi A. (1996). The great Soviet-Peasant war. Bolsheviks and Peasants, 1918–1933. Har- vard Ukrainian Center.
- Graziosi A. (2017). Political Famines in the USSR and China: A Comparative Analysis // *Jour- nal of Cold War Studies*. Vol. 19. No 3. P. 42–103.
- Gross J. (2001). *Neighbors*. Princeton University Press.

Lynd S. (1993). Oral History from below // *The Oral History Review*. Vol. 21. № 1. P. 1–8.

Nakhimovsky A. (2020). *The Language of Russian Peasants in the XXth Century*. Lexington Books.

Várdy S. B., Várdy A. H. (2007). Cannibalism in Stalin's Russia and Mao's China // *East European Quarterly*. Vol. 41. № 2. P. 223–238.

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century

Alexander D. Nakhimovsky, PhD, Associate Professor, Computer Science Department; Head of the Linguistics Program (retired), Colgate University. 13 Oak Drive, Hamilton, New York, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Abstract. The author analyzes the life stories of those Russian peasants who were old enough to remember collectivization. The large collection of such life stories recorded after 1990 is a rich source of materials for the oral history and other fields of study; however, this collection remains unsorted. Such scholars as the ethnographer Sergei Alymov, the sociologist Valery Vinogradsky, the linguist Leonid Kasatkin, and the historian Tatyana Shcheglova have done much work to collect these materials and to analyze them in different disciplinary perspectives. However, their descriptions remain completely isolated, and the author uses their publications to show the internal unity of their work and to explain that a single archive would be very useful for future research. After a brief introduction, the article turns into a chronological narrative of the Russian peasant history from 1918 to 1953, which consists of those key events/episodes in the lives of narrators that inevitably coincide with the key moments of history. In the comments to the narratives, the author describes the narrators' psychological traits, their attitudes to the state, work and changes of fate, their connection with pre-revolutionary traditions, and their perception of the new reality.

Key words: civil war, NEP, collectivization, famines of 1932–1933 and 1946–1947, migration to the city, walking, court proceedings, infanticide, war, disabled veterans

References

Alymov S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in the 1920s — 1950s], Moscow.

Alymov S. (2010) *Nesluchaynoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti "ot starogo k novomu" i obratno* [Nonrandom village: Soviet ethnographers and collective farmers on the path "from the old to the new" and back]. *NLO*, no 101.

Baranova V.V. (1994) *Ustnye vospominaniya krest'yan o vojne* [Peasant oral memories of the war]. *Folklor Velikoy Otechestvennoy voyny*. Ed. by O.E. Lebedeva, V. Fedorova, Kurgan: Parus-M.

Vinogradsky V.G. (2009) *Orudiya slabyykh* [Weapons of the Weak], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

Vinogradsky V.G. (2012) *Protokoly kolkhoznoy epokhi* [Records of the Collective-Farm Era], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

Vinogradsky V.G. (2017) *Golosa snizu* [Voices from Below], Moscow: Delo.

Volkov I.M. (1991) *Zasukha, golod 1946–1947 godov* [Drought, famine of 1946–1947]. *Istoriya SSSR*, no 4, pp. 3–19.

- Goldin V.F. (2009) Povestvovanie v dialektnom diskurse [Narration in the dialectal discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no 1.
- Zima V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [1946–1947 Famine in the USSR: Causes and Consequences], Moscow: IRI RAN.
- Kasatkin L.L. (2010) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Russian Village in the Stories of its Villagers], Moscow: AST-Press.
- Kasatkin L.L. (2016) Iz derevenskikh rasskazov [From the village stories]. *Novy mir*, no 12, pp. 39–48.
- Kasatkin L.L. (2017) *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 2, Moscow: Gnozis.
- Kovalev V.N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [Everyday Life of the Russian Population during the Nazi Occupation], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Lungina L. (2009) *Podstrochnik. Zhizn Liliiny Lunginoy, rasskazannaya eyu v filme Olega Dormana* [Word-for-Word: The Life of Liliana Lungina as Told by Her in the Film by Oleg Dorman], Moscow: Astrel.
- Marx K. (1955). Tezisy o Feuerbache [Theses on Feuerbach]. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy*, 2nd ed., vol. 3, Moscow, pp. 1–4.
- Mironov B.N. (2003) *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): Genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of the Russian Empire (18th — early 20th century): Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule-of-Law State], 2 vols., Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Nakhimovsky A.D. (2017) Krestyansky yazyk i revolyutsiya: Pisma vo vlast do i posle 1917 goda [The language of peasants and the Revolution: Letters to authorities before and after 1917]. *Revue des études slaves, "Philologie et Révolution"*, vol. LXXXVIII, no 1–2, pp. 113–134.
- Osipov B.I. (1995) *Avtobiograficheskie zapiski sibirskogo krestiyanina V.A. Plotnikova: Publikatsiya i issledovanie teksta* [Autobiographical Notes of the Siberian Peasant V.A. Plotnikov: Publication and Study of the Text], Omsk: Izd-vo OmGU.
- Seifullina L. (1923) *Peregrnoy* [Humus], Moscow.
- Selishchev A. (1928) *Russky yazyk revolyutsionnoy epokhi* [Russian Language of the Revolutionary Era], Moscow.
- Fenomenov M. (1925) *Sovremennaya derevnya* [Modern Village], vol. 1–2, Moscow: GIZ.
- Fitzpatrick Sh. (2008) *Stalinskie krestiyane* [Stalin's Peasants], Moscow: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina, ROSSPEN.
- Shafir Ya. (1924) *Gazeta i derevnya* [Newspaper and Village]. Moscow.
- Yakovlev Ya.A. (1923) *Derevnya kak ona est* [Village as It Is], Moscow: Krasnaya nov.
- Bernstein F. (2015) Prosthetic manhood in the Soviet Union at the end of World War II. *Osiris*, vol. 30, no 1 "Scientific Masculinities", pp. 113–133.
- Dale R. (2013) The Valaam myth and the fate of Leningrad's disabled veterans. *Russian Review*, vol. 72, no 2, pp. 260–284.
- Dekel-Chen J.L. (2005) *Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1923–1941*, New Haven: Yale University Press.
- Edele M. (2006) Soviet veterans as an entitlement group, 1945–1955. *Slavic Review*, vol. 65, no 1, pp. 111–137.
- Engelstein L. (1992) *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*, Ithaca: Cornell University Press.
- Graziosi A. (1996) *The Great Soviet-Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1918–1933*, Harvard Ukrainian Center.
- Graziosi A. (2017) Political famines in the USSR and China: A comparative analysis. *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no 3, pp 42–103.
- Gross J. (2001) *Neighbors*, Princeton University Press.
- Lynd S. (1993) Oral history from below. *Oral History Review*, vol. 21, no 1, pp. 1-8.

Nakhimovsky A. (2020) *The Language of Russian Peasants in the 20th Century*, Lexington Books.

Várdy S.B., Várdy A.H. (2007) Cannibalism in Stalin's Russia and Mao's China. *East European Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 223–238.

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке